

УДК 81

Ковалева Е.И.

Московский педагогический государственный университет

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАУЧНОМ РЕГИСТРЕ РЕЧИ*

E. Kovaleva

Moscow State Pedagogical University

APPROACHES OF STUDY AND THE NOTION OF LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES UNDERSTANDING

Аннотация. Современные парадигмы лингвистического знания с разных сторон освещают подходы к характеристикам особого стиля и регистра научной речи. В статье дается обзор исследований, касающихся особенностей и специфики научного стиля, его характеристик и отличий от других стилей, определение экстралингвистических факторов, влияющих на формирование научных текстов и «стилевых черт» научной речи.

Ключевые слова: современные парадигмы лингвистического знания, специфика научного стиля, формирование «стилевых черт» научной речи.

Abstract. The article introduces different and crucially important approaches to investigate the field of LSP. Modern linguistic paradigms suggest different prospects to study the means and features used to describe special scientific notions. Various linguistic and extra linguistic factors foster the development of LSP into an independent and very prolific field of language study.

Key words: language for Special Purposes, linguistic and extra linguistic factors, modern linguistic paradigms, independent and very prolific field, language study.

Идея о существовании особого регистра научной речи (наряду с речью разговорной и художественной) высказывалась задолго до оформления функциональной стилистики как особой филологической дисциплины [9, 77]. Еще М.В. Ломоносов, создавший знаменитую теорию «трех стилей», обратил внимание на то, что выбор стиля зависит от стилистических возможностей языка. Экспрессивно-стилистическое богатство многих языков связано с наличием в них разных по происхождению слов, восходящих к разным источникам. Каждому жанру отвечает свой стиль: высокий, посредственный или низкий [14, 319].

Многие ученые выделяли особые характеристики регистра научной речи, хотя и не выводя его определения. Так, В.В. Виноградов отмечал: «Язык науки будучи орудием создания понятий, формул, раскрывающих законы существования, развития, связей, взаимодействий и соотношений разных предметов, явлений мира и т. д. тяготеет к речевым средствам, лишенным индивидуальной экспрессии, к знакам, обладающим признаками и свойствами всеобщей научно-логической принудительности, системной взаимосвязанности и абстрактной условности» [3, 120]. Л.В. Щерба исходил из того, что наиболее существенной характеристикой научной речи является её лаконичность и точность [12, 45]. В. Матезиус настаивал на том, что научная речь компактна и целенаправленна [7, 89], а Р.А. Будагов писал, что важнейшей чертой интеллективного функционального стиля является логичность [2, 220-245].

По мнению А.И. Комаровой, «подлинно научное – то есть не гипотетическое, а основанное на анализе большого корпуса языковых фактов – подтверждение эта мысль получила значительно позже, когда в 50–60-е годы был осуществлен переход от фрагментарного изучения тех или иных сторон языка, связанных с проявлением его функционально-стилистических свойств, но не осмысливаемых с научно-теоретической точки зрения, к планомерному и глобальному описанию языкового материала» [5, 31]. Функциональные стили языка – явление письменного варианта языка, способного к абстрагированию и структурированию и, как следствие, жанры, образующие тот или иной стиль, также принадлежат языку в его письменном варианте.

* © Ковалева Е.И.

Специальное изучение научной речи в отечественной лингвистике началось с 1960-х гг. и было связано, в первую очередь, с монографическими работами М.Н. Кожиной «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики»; «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими»; А.Н. Васильевой «Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи»; М.П. Котюровой «Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле». М.Н. Кожина отмечает, что «научный стиль (или научность стиля) не следует трактовать лишь как выражение логичности и понятности, а все остальные стилистические особенности научной речи «списывать» за счет воздействия других стилей – публицистического, художественного и других, и, следовательно, понимать научный стиль как смесь разных стилей. Научный стиль следует принимать со всеми его «красками», в том числе экспрессивными и эмоциональными, хотя бы потому, что он не может быть без явной или скрытой полемики, без скрытой диалогичности. Итак, понимать научный стиль (и даже подъязык науки) только как совокупность знаков и операций над ними – значит чрезвычайно обеднять и сужать понятие» [цит. по: 10, 214-215]. Различные авторы обращались к проблеме экспрессивности научной речи (Н.Я. Милованова, Н.М. Разинкина). Указанные исследования были ориентированы на определение специфики научного стиля, его объективных характеристик и отличий от других стилей, выявление экстралингвистических факторов, воздействующих на формирование научных текстов и их стилевых черт. Особый акцент в исследованиях делается на экстралингвистической обусловленности стилевых черт научной речи [11, 11-20].

Главной «стилеполагающей» особенностью научного стиля признается его «обобщенно-отвлеченный» характер. Некоторые различия в текстах разных конкретных наук, а также диалектные особенности конкретного языка не ставят под сомнение существование «единого» функционального стиля. Как считают многие исследователи, именно обобщенно-отвлеченный характер данного функционального стиля и определяет все более частные, особые и специфические его черты. Внутри данного

стиля существуют различные так называемые «жанровые» подразделения, такие, как стиль научно-технического, научно-математического, научно-популярного изложения в отличие от строго научного. В.Н. Ярцева отмечает, что «несмотря на неограниченные возможности естественных языков функционировать в качестве реализаторов разнообразной информации, каждая наука стремится выработать свой определенный специфический моноструктурный язык, где семантическая определенность информации могла бы базироваться на однозначном соотношении языкового знака и передаваемого им факта» [13, 87].

Основное место в исследованиях того периода занимали проблемы речевой системности научного стиля – особенности функционирования языковых единиц всех уровней – лексических и грамматических средств, морфологии и синтаксиса, в результате чего было убедительно показано, что реализация сущностных черт научной речи: объективности, подчеркнутой логичности, обобщенности, понятности, точности – достигается именно речевой системностью, а не только, например, лексическими единицами с соответствующей семантикой. В частности, М.Н. Кожина указывает на то, что «если говорить о наиболее заметных изменениях в функционировании языковых средств разных уровней, то ярче всего они проявляются на лексико-семантическом уровне: терминология, смещение лексической сочетаемости слов общенаучного употребления, метафоризация как терминологизация» [4, 213]. Специально подчеркивается системный характер организации лексики, который делает необходимым изучение структуры лексической системы, дающее возможность определить место в ней каждого отдельного слова.

В работах отчетается, что термином может стать любое слово, что дает возможность определить понятие терминологизации – перехода лексической единицы из состояния нетермина в состояние термина. В равной мере имеет место и процесс детерминологизации, то есть лексическая единица, используемая в качестве термина в составе терминосистемы, перестает быть таковой. Этот процесс может происходить в тех случаях, когда «некоторая теория признается неверной, и термины, обозначающие ее

понятия, выходят из научного употребления. В других случаях термин остается термином, но лексическая единица получает вторичное, метафорическое значение, начинает использоваться в неспециальной сфере» [6, 29]. Развитие специальных знаний оказывает влияние на изменение, совершенствование обычного языка не только за счет появления новых слов, расширяющих круг терминологической лексики, но и за счет модификации значений некоторых слов, составляющих основной фонд обычного языка. В.М. Лейчик связывает особенности описания семантики термина и его определение с точки зрения терминоведения – отдельной науки, которая должна заниматься всеми аспектами функционирования терминов. В.М. Лейчик считает важным вести речь о естественноречевом субстрате термина, который представляет собой сложную трехслойную лексическую единицу того или иного языка для специальных целей, и «ее содержательные, формальные и функциональные признаки, которые могут изучаться совместно и раздельно» [6, 31].

С.Е. Никитина поворачивает эту мысль в сторону описания особенностей семантики языка науки. В ее работе отмечается: «интересным является вопрос, из чего складывается профессионализм научных текстов – очевидно, что это качество текста на лингвистическом уровне создается не только употреблением терминов, но и использованием слов обычного языка, употребленных «не в том смысле», непрофессиональных. Именно последнее является индикатором текста профессионала в отличие от текста (речи) непрофессионала, знакомого только с терминологией, а не с общими для данной науки принципами строения текста, включающего семантически трансформированные выражения естественного языка... Профессионализм текста создается наличием особых спутников термина – его лексических партнеров – реализации его лексической сочетаемости типа *синонимия богатая* (а не *большая*), *мощность множества*, а не *величина множества* и т. д.» [8, 27]. С.Е. Никитина отмечает, что «в научных словесных текстах мы пользуемся синтаксисом естественного языка с некоторыми особенностями и ограничениями, налагаемыми целевыми установками авторов и

общими регуляторами стиля» [8, 31].

В дальнейшем углубленное исследование научного стиля сопровождалось разработкой ряда существенных аспектов. Это исследования по истории развития научного стиля (С.О. Глушакова, Л.Л. Кутина, Н.М. Разинкина и др.); о соотношении письменной и устной форм научной речи [Современная русская устная научная речь 1985; 1994; 1995]. Научный стиль исследовался в соотношении с другими стилями/сферами коммуникации (О.Б. Сироткина, И.М. Коллегаева, Н.П. Романова). Активно изучались и проблемы жанров/типов научного текста (Л.Ю. Иванов, О.К. Кудасова, В.И. Миронова, Е.С. Троянская), а также межстилевое и межжанровое взаимодействие (О.А. Лаптева).

Постепенно было осознан тот факт, что термин, являясь номинативной единицей – словом или словосочетанием, обладает целым рядом функций. Самая первая функция – это номинативная функция, так как термин называет нечто в окружающей действительности и в определенной сфере деятельности человека, они называют различные предметы, понятия и их признаки, определенные типы отношений в научно-исследовательской, производственно-технической и общественной жизни. Термины обладают также сигнификативной или знаковой функцией. Один из отечественных терминоведов К.Я. Авербух говорит об этой функции следующим образом: «Правильной нам представляется... точка зрения, потому, что орудием познания является язык как социальная знаковая система, и только язык, будучи системным образованием, выделяет из соответствующей структуры соответствующий знак для вновь осознанного понятия» [1, 63]. Следующей функцией является дефинитивная функция, о чем указывали в своих трудах отечественные терминоведы, начиная с Д.С. Лотте. Следующая функция называется коммуникативной. Она указывает на то, что термин служит средством передачи (коммуникации) специального знания, знания в пространстве и во времени [6, 67].

Британский языковед Дж. Ферс указывает, что языковое значение должно изучаться только в контексте и в том числе социальном. Еще в 1948 г. Дж. Ферс писал: «Язык и человечес-

кая личность постоянно принимают участие в деятельности, направленной на сохранение образа жизни. Для лингвистической науки естественно поэтому постулировать существование языковых моделей и систем (включающих адаптацию и изменения), содержащих порядок, структуру и функцию. Такие системы находятся в действии, а следовательно, изучаться должны в действии. На этом основании лингвистика должна быть системной» [15, 113]. Если учитывать, что функция – это в самом общем смысле назначение, которую терминологические (и в целом любые) единицы выполняют в построении единиц более высоких уровней. М.А.К. Хэллидей отмечал, что важно выделять три основные функции, среди них он называл: 1) концептуальную, которая отражает опыт говорящего; она касается представления внутреннего мира говорящего человека и объективной внешней действительности; 2) межличностной, устанавливающей и поддерживающей социальные отношения, ролевую структуру, воздействие на слушателя, оценку и т. д.; 3) текстовую, которая обеспечивает подачу информации в виде связного высказывания [16, 115.]. Две последние функции у Хэллидея включаются в коммуникативную функцию, но некоторые авторы указывают на то, что термин, слово, словосочетание, будучи языковыми знаками, обладают прагматической функцией. Эта функция тесно связана с коммуникативной, так как она определяется связью знака с участниками коммуникации, конкретными условиями и сферой общения, зависит от той

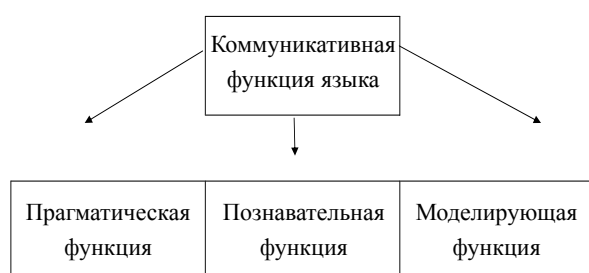

Рис. 1. Классификация функций языка

установки, которую выбирает продуцент языка, воздействуя на реципиента [6, 69]. В рамках коммуникации осуществляется воздействие на адресата коммуникативного акта (прагмати-

ческая функция), происходит моделирование окружающей действительности средствами языка (моделирующая функция), и только через язык осуществляется процесс познания и в общественной практике закрепляются его результаты (познавательная функция). Корреляция указанных функций находит отражение на следующем рисунке (см. рис. 1):

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. Иваново, 2004. 252 с.
2. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М.: Изд-во АН СССР, 1967. С. 220-245.
3. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Наука, 1981. 120 с.
4. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1977. 224 с.
5. Комарова А.И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). М.: Едиториал УРСС, 2004. 192 с.
6. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 2-е. М.: Комкнига, 2006. 256 с.
7. Матезиус В. Язык и стиль / В.Матезиус. Избранные труды по языкознанию. М.: УРСС, 2003. С. 89.
8. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. М., 1987. 315 с.
9. Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Т 1. // Литература техники и прикладных наук от средних веков до эпохи Возрождения // пер. с нем.Ф.А. Коган и др. М.: Изд-во МЦИФИ. 304 с.
10. Татаринев В.А. История отечественного терминоведения в 3-х т. Т. 3. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973-1993): Хрестоматия. М.: Московский лицей, 2003. 400 с.
11. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. трудов СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С.11-20.
12. Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 45.
13. Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XVI вв. М.: Мысль, 1985. 132 с.
14. Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание) / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. 352 с.
15. Firth J. Papers in Linguistics, 1934-1951. L.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1958. P. 113.
16. Halliday M.A.K. A Short Introduction to Functional Grammar. L., 1984. P. 115.